

ство. Хотя Агриппа был болен, он добился в суде права самому защищать свое дело. «Заключительная часть его речи была столь пламенна, а несчастье столь велико, что когда судья с негодованием взглянул на его противников, они вскочили с мест, воскликнув, что только сын Обинье может говорить подобным образом, и попросили у него прощения.» Еще в одном месте он рассказывает о потасовке в харчевне, где он, почти безоружный, проткнул чужой шпагой хорошо вооруженного врага, но был при этом тяжело ранен... «Поняв по лицу врача, что рана опасна, Обинье не позволил снять с себя первую повязку и уехал до рассвета, чтоб умереть в объятиях любимой.» Такой документ не оставит читателя равнодушным.

Весьма интересные места биографии мы находим там, где говорится о его личных отношениях с рядом известных персон, в том числе с королем Генрихом. Отношения с последним были, как уже говорилось, весьма переменчивы. Автор их описывает без тени самооправдания, не боясь выглядеть в черном цвете. Часто записки становятся живыми комментариями к многотомной «Всеобщей истории» д'Обинье. В своих записках он честно рассказывает, как с самого злополучного рождения складывался своеобразный характер маленького сироты.

Книги Агриппы д'Обинье оказываются пророческими для нашего века, для его последних десятилетий. Тогда был трагический конец шестнадцатого века, теперь мы живем в трагическом конце двадцатого. Прошло четыре столетия, но мы сталкиваемся с теми же самыми вопросами жизни, морали и политики. Как литератору, много лет переводившему стихи д'Обинье, а за последние семь лет, на исходе своей жизни завершившему перевод «Трагических поэм», мне не сразу стало ясно это грозное сходство наших эпох. Хотелось бы, чтобы человеческая история, написанная замечательным французом, была поучительной для нас.

